

Любовь и вера как категории педагогики: христианский взгляд на проблему

Сарапулов В.А.

Как известно, категории – это основные, наиболее общие и фундаментальные понятия, отражающие существенные, всеобщие свойства и отношения явлений действительности и познания, объём которых совпадает с объёмом науки. Для категории уже не существует более общего, родового понятия и, вместе с тем, она обладает минимальным содержанием, то есть фиксирует минимум признаков охватываемых предметов. Однако это такое содержание, которое отображает фундаментальные, наиболее существенные связи и отношения объективной действительности и познания (В.Ф. Берков). Возможно ли, в этом смысле, говорить о любви и вере как категориях педагогики?

Обратившись к пособиям по педагогике, мы обнаружим, что практически каждое из них говорит о таких профессионально значимых качествах педагога, как любовь к детям, вера в них. Но что стоит за этими понятиями – «любовь и вера»? Возможно ли эти понятия перевести в разряд категорий педагогики? Какими признаками обладают педагогические любовь и вера? Даны ли эти качества учителю от рождения или они привносятся воспитанием и профессиональным образованием? Каково соотношение рационального и иррационального в них? На эти вопросы трудно найти ответ и в словарях, и в педагогических энциклопедиях, и в пособиях.

Студенту – будущему учителю или учителю-практику часто говорят: «Надо любить детей». Все это напоминает типичную школьную картину: ученик старательно решает задачу, но справиться сам с ней не может, и учитель (в качестве ободрения и «помощи») говорит ему: «Думай!». Но проблема для ученика чаще всего в том и состоит, что он не может решить задачу, потому что не умеет думать. Он и в школу пришёл ради того, чтобы ему помогли научиться думать. Не то ли самое мы встречаем и в требовании: «Люби детей и верь в них!»? Такие призывы, уже безотносительно возраста, мы постоян-

но слышим и в наших церквях. А что это значит – любить и верить в человека? Возможно ли, чтобы эти категории из философии, теологии, психологии перешли в арсенал педагогики как науки и как практики, стали реально действующими и продуктивными ценностями? Как известно, реальную ценность для нас представляют не те ценности, которые мы провозглашаем (письменно и устно), а те, на которые мы тратим своё реальное время, будучи свободными в выборе.

На наш взгляд, ситуация начала 21 века по-особому актуализировала мысль А.А. Ухтомского: «Нам надо из самоудовлетворённых в своей логике теорий о человеке выйти к самому человеку во всей его живой конкретности и реальности... наше время живет муками рождения этого нового метода. Он оплодотворит нашу жизнь и мысль стократно более чем его прототип – метод Коперника»^[1]. Быть может, сердцевиной этого метода станут Любовь и Вера, и они приведут нас к новому пониманию человека, его предназначения в этом основательно заблудившемся и запутавшемся в своих ценностях мире? Хотя бы для тех, кто избрал для себя следование за Христом, которое имеет особое назначение в учительстве – как реальной практике служения другим людям...

Понимание человека в 20 столетии предельно остро сформулировал Виктор Франкл: «Наше поколение пришло к пониманию того, чем в действительности является человек: существом, которое избрело газовые камеры Аушвица, и существом, которое входит в эти газовые камеры, не согнувшись, с прямой головой, с молитвой на устах»^[2]. К какому пониманию человека придёт поколение детей, попавших в водоворот отчаяния и беспредела 90-х годов, которые сегодня не только уже стали «к станку», но и приблизились к «рулю управления» государством? В середине 90-х Б.Ш. Окуджава пророчески писал:

¹ Ухтомский А.А. Письма // Новый мир. – 1993. - № 1. – с.255.

² Франкл В. Воля к смыслу – М., 2000. – с.44.

*Через два поколения выйдут на свет
Люди, которых сегодня нет.
Им будут странными страхи мои,
Искажённый овал моего лица.
Ниточка неразделённой любви
Вонзится пулею в их сердца.
Им будет робость моя чужда,
Они раскованней будут и злей
Зависть, ненависть и вражда
Взойдут над просторами их полей.*

Материалистический подход к решению проблем воспитания, который довлел над нами в прошлом веке, безусловно, имеет право на существование – хотя бы просто по факту своего существования. Но вот что говорит Ш.А. Амонашвили: «Я думаю, что педагогика как наука не сделает в дальнейшем ни шагу вперед (ибо психология не поможет), если не найдет истинную философскую и – даже больше скажу – религиозную основу для своего существования. Без этой основы педагогика не сможет сделать сколько-нибудь серьезного шага, прорыва в будущее. Ибо то, что можно было сделать, исходя из материалистических взглядов, – это мы уже сделали и уже получили авторитарный педагогический диктат...»^[3]. Есть и другая позиция: «В идее Бога удивительным образом прячется иллюстрация чудовищного равнодушия к людям, то есть к Другому, которому можно было бы оказать помощь, поддержку для улучшения жизни и положения Другого, но на которого ты взираешь сторонним глазом и не прилагаешь даже минимальных усилий для такой помощи, не проявляешь никакой заботы вообще о других, вне тебя находящихся»^[4]. Автор этих строк, Н.Е. Щуркова, известный среди педагогов-практиков учёный, ссылается, как и большинство людей, не на авторитет первоисточника (Священное Писание), а на высказывания героев произведений Д. Голсуорси, Д. Фаулза и др. Что здесь

³ Амонашвили Ш.А. Сам учитель есть школа! // Управление школой. – 1993. – № 3.

⁴ Щуркова Н.Е. Этика школьной жизни. – М., 2000. – с.72-73.

– снобизм учёного или литературное невежество (в аспекте знания текста Писания)? Обратимся к Библии, где «идея Бога» дана в концентрированном виде и где, как утверждает Н.Е. Щуркова, «прячется чудовищное равнодушие»: «Кто говорит: «я люблю Бога, а брата своего ненавижу, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, которого не видит?»(1 Ин. 4:20). Такая планка нравственной высоты любви задана в учении Христа, а учёный специалист в области воспитания говорит о «чудовищном равнодушии, спрятанном в идее Бога». Здесь, вероятно, явление «нравственной катаракты», которая затмила чистое видение проблемы, что характерно, к сожалению, не только для этого учёного.

Любовь к детям и людям вообще и вера в них – это идеал, выступающий в качестве самодостаточной ценности – цели. Любовь и вера (как цели) ценны для нас не столько как условия достижения чего-либо (в таком качестве выступают задачи), сколько сами по себе: именно потому они и являются ценностями. Стремление достичь этих целей и понимание их недостижимости нередко вызывает у нас внутренний разлад, вследствие чего «опускаются руки». И здесь важно понимание этой проблемы, которую в свое время решал наш соотечественник С.И. Гессен: «Неразрешимость этих задач проистекает не от их мнимости, но от их неисчерпаемости... эти цели, в совокупности своей составляющие культуру, можно назвать целями – заданиями, т.е. задачами высшего порядка, неисчерпаемыми по самому существу своему и открывающими для стремящегося к ним человечества путь бесконечного развития»^[5].

Человек не может выбирать – иметь идеалы или не иметь, свобода человека – в выборе между идеалами. В этом выборе мы обнаруживаем, что Любовь и Вера находятся на одном из полюсов этих идеалов, а равнодушие, ненависть, безверие – на другом. Любовь и Вера входят в систему ценностей, через которые духовность определяется как качество личности. К этой системе ценностей В. Бойцов и др. относят благо, добро, смысл жизни и его обретение, идеал, правду (истину), справедливость, красоту, веру, надежду, любовь, счастье. Вера, по мнению этих ученых, есть «качество духовного состояния человека, позволяющее придать смысл бытию; надежда

⁵ Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. – М., 1995. – с.44.

– качество духовного состояния человека, открывающее ему перспективу и придающее значимость его духовным усилиям; любовь – духовная энергия человека, связывающая его с другими людьми и мирозданием в целом»^[6]. Духовность, как качество личности учителя в частности и человека вообще, «может быть измеряема по своему внешнему критерию – поступку»^[7].

Если подходить к любви как понятию, то необходимо обратиться к её дефинициям. Любовь определяется как «способность, которая даёт человеку возможность понять сущность другого человека, его уникальность и неповторимость... Уникальность любви заключается в уникальных возможностях любимого человека...»^[8]; это «чувство самоотверженной, сердечной привязанности»^[9], «...взаимное и глубокое чувство, устремленность на другую личность...»^[10]. Обратим внимание, что у Платона и в платонизме Любовь (эрос) является побудительной силой духовного восхождения. Б.Т. Лихачев определяет любовь как «вчувствование, вживление, духовное присвоение одним человеком эстетического образа, духовного мира, физической организации, интересов, настроений, потребностей другого человека, ощущение этого другого существа как самого себя»^[11]. Любовь, пишет Б.Т. Лихачев, «рождает духовные и эмоциональные потребности, вызывает жажду удовлетворения, образует в сознании человека естественные и духовные интересы, мотивы, стимулы поведения и деятельности»^[12]. А.В. Петровский и другие рассматривают любовь как отношение, выделяющее (и отделяющее) объект любви среди других и помещающее его в центр жизненных потребностей и интересов субъекта для того, чтобы вызвать ответное чувство [Словарь по психологии, 1990]. Такое определение вряд ли возможно полностью отнести к педагогической любви хотя бы потому, что

⁶ Бойцов Б.В., Кряжев Ю.В., Кузнецов М.А. Философия качества // Стандарты и качество. – 1997. – № 9. – с.41.

⁷ Там же.

⁸ Франкл В. Воля к смыслу – М., 2000. – с.230-231.

⁹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1971.

¹⁰ Советский энциклопедический словарь. – М., 1981.

¹¹ Лихачев Б. Т. Философия воспитания. – М., 1995. – с.144.

¹² Там же

объект любви «выделяется и отделяется» от других. Следуя за Э. Фроммом, мы назвали бы это «расширенным эгоизмом». Но то, что объект любви ставится в центр жизненных потребностей и интересов того, кто любит, и это необходимо для того, чтобы возникло ответное чувство, – такое понимание любви, безусловно, чрезвычайно важно для представления о её природе. Психолого-педагогический словарь (Ростов н/Д., 1998) подчеркивает основанность любви на открытии максимальной ценности конкретного человека и определяет любовь как одну из форм преодоления отчуждения человека от человека. Потому любовь может быть признана вершиной нравственного отношения к человеку^[13].

Любовь, отмечает русский философ С. Л. Франк, – это осознание подлинной реальности чужой души, её бесконечной, неисчерпаемой бытийственной глубины. Переноса средоточие своего бытия в другого, любимого тобою, человек пребывает в нем: Я теряю себя в ТЫ и именно тем обретаю себя, обогащённый привнесённым в МЕНЯ, дарованным ТЫ. Дающий и расточающий именно в силу этого становится обретающим. Моё замкнутое самобытие исчезает из моего взора и заменяется моим бытием для другого и в другом. В познании другого человека, как и в познании мира, разум осознает свою ограниченность, и основание этой непознаваемости – в признании бесконечного разнообразия людей. Видимо, педагогика не может быть истинной наукой и искусством без трансрационального. Без этого вряд ли возможно выявить ценность личности, понять первоосновы её души. С.Л. Франк замечает, что любовь есть нечто сущностно-иное, существо чего стоит под знаком трансрациональности, непостижимости, что может быть постигнуто только по способу ведающего неведения^[14].

Таким образом, любовь – это «духовная энергия», «способность понимания сущности другого», «побудительная сила духовного восхождения», «вчувствование, присвоение духовного мира другого, «отношение», «осознание реальности чужой души» и т.д. В то же время для педагогической любви, несомненно, характерны и некоторые «прагматические» стороны. Наш собственный опыт учёбы

¹³ Психолого-педагогический словарь для учителей и руководителей общеобразовательных учреждений. – Ростов н/Д, 1998. – с.236-237.

¹⁴ Франк С.А. Сочинения. – М., 1990. – с.518-519.

показывает, что если учитель в школе или преподаватель в вузе относился к нам с любовью и был для нас надёжным другом, защитником, то и мы, как правило, отвечали ему тем же, и это отношение переносили на тот предмет, который преподавал наш Любимый Учитель. И потому *любовь педагогическая понимается нами как нравственно устремлённая (интенциональная) потребность, способность и готовность учителя поставить детей в центр своих личных и профессиональных интересов и потребностей для того, чтобы вызвать ответное чувство к себе, обладающее способностью переноса на преподаваемый учителем и изучаемый учеником предмет.* В этом понимании любовь по своему смысловому назначению приближается к «агапэ» (греч.) – стремлению поступать в интересах другого.

Если рассматривать педагогику как искусство, то необходимо и любовь (как категорию педагогики) отнести к искусству. Овладеть этим видом педагогического искусства и достичь его вершины (мастерства) невозможно, если это не имеет лично значимого смысла для человека, не стало его доминантой. Потребность в любви требует её удовлетворения, и для этого необходимо владеть способами этого удовлетворения, совокупность которых и называется способностью – в данном случае способностью любить. Для реализации этой способности и её воспитания важно иметь достаточно чёткое представление о том, какими качествами (свойствами) она проявляется. В частности, Б.Т. Лихачев говорит о таких свойствах любви, как преданность и жертвенность, терпение и способность утешения, требовательность к себе и самосовершенствование, симпатия, сочувствие, ласка, нежность, переживание проблем ребёнка как своих собственных, забота, доброжелательность^[15]. По сути, это и есть любовь «агапэ». Активность любви, как считает Э. Фромм, проявляется в заботе, ответственности, уважении и знании, причём эти черты присущи всем видам любви – братской, материнской, эротической, любви к себе, любви к Богу^[16].

¹⁵ Лихачев Б. Т. Философия воспитания. – М., 1995. – с.140-144.

¹⁶ Фромм Э. Человеческая ситуация. – М., 1994. – с.102.

Проблема педагогической любви, которую, по классификации Э. Фромма, можно соотнести с братской любовью, состоит в искусстве любви (искусство по-английски звучит привычно для нашего слуха *techno* – техно). Поэтому правомерно говорить о том, что любовь – это не только дар, благодать («нечто, ниспосланное свыше», по В.И. Далю), любовь – это и показатель профессиональной компетентности учителя. В этом смысле возможно ставить вопрос о воспитании способности любить, то есть об овладении техникой этого искусства. О.А. Казанский выделяет четыре пути восхождения к любви: привлечь внимание к себе; заинтересовать собой; увлечь собой; прийти к сотрудничеству^[17]. Э. Фромм, рассматривая практику искусства любить, формулирует такие требования к ней: *дисциплина* – способность тренировать себя даже тогда, когда нет «настроения»; *сосредоточенность* – способность отвлечения от многих дел, умение находить время для размышлений, для анализа; *терпение* – способность быть нацеленным на отсроченный результат; *полная поглощенность* – поглощенность своей работой и любовью; преодоление своего *нарциссизма*^[18]. Б.Т. Лихачев вводит понятие «педагогический разум», выделяя такие его качества, как целесообразность, ответственность, долг, справедливость, последовательность, терпение, требовательность, перспективность, твёрдость, заинтересованность, воля, видение в ребенке человека, стимулирование, дисциплинирование, подтягивание ребенка до уровня требований к человеку^[19].

Любовь есть стремление к единению с другими людьми на основе признания равенства (но не одинаковости). Равенство исходит из того, что ни один человек не может быть средством для достижения целей другого человека (И. Кант). Фундаментальной христианской основой равенства является взгляд на человека как творение Бога, при этом каждый человек потенциально (а принявший Христа – реально) есть храм Божий: «Разве не знаете, что вы – храм Божий, и Дух Божий живёт в вас? Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог: ибо храм Божий свят, а этот храм – вы»(1Кор.3:16-17). Когда человек проявляет любовь к другим, тем самым он отдаёт самого

¹⁷ Казанский О.А. Педагогика как любовь. – М., 1995. – с.13.

¹⁸ Фромм Э. Человеческая ситуация. – М., 1994. – с.197-215.

¹⁹ Лихачев Б. Т. Философия воспитания. – М., 1995. – с.144.

себя («сердце отдаю детям» – по выражению В.А. Сухомлинского). В этом сила любви – отдавать себя другому, жертвовать собой ради другого без условий, и даже тогда, когда нет надежды на то, что у того, ради которого всё это, возникнет ответное чувство. Как писал апостол Павел: «...пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше»(1Кор. 13:13). Но способность любить, т.е. отдавать, зависит от уровня развития личности, от сформированности ценностных, созидательных ориентаций и установок, совокупности всего того, что психологи называют направленностью личности – именно в ней выражается основное содержание человека как общественного существа. При этом в отношениях человека с миром, с другими людьми, с самим собой любовь и вера выступают как нравственные регуляторы реализации этих отношений.

На наш взгляд, с наибольшей полнотой и наибольшей силой любовь дана в христианском представлении. Апостол Павел, вслед за Иисусом Христом, говорит с другими подвижниками Церкви о братской любви, которая, как мы заметили выше, по сути есть любовь педагогическая: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит. Любовь никогда не перестает...»(1 Кор. 13:4-8). Все эти качества апостол Павел называет самым «превосходнейшим путем» (1Кор. 12:31). Такая любовь требует смирения в высшем его нравственном смысле (быть с миром в душе и иметь чувство меры), и она неотделима от мужества, веры, дисциплины, самовоспитания.

Долгие годы поклонения фетишу коллективизма привели к тому, что индивидуальное глубоко пряталось: в объединении людей связующим моментом становилось то, что можно назвать общими сторонами существования. Отсюда возникла серьёзная проблема: достаточно легко выстраивая общение с классом или группой учащихся, учитель с трудом находит средства естественного человеческого общения с другим, оставшись с ним наедине (индивидуальное, персонализированное общение). Индивидуальность и уникальность – это качества личности, которые пронизывают отношения людей в ситуации любви. Чувство, что тебя любят, редко возникает, когда ты

находишься в толпе, в коллективе. Показать проявления своей любви к детям, когда они выступают как некая масса, – возможно, но давно известно, что на одно и то же впечатление каждый человек (как личность) отвечает по-своему. В этом смысле стоит обратить внимание на «принцип Розанова»: «И так как именно раскрыть это содержание (души, жаждущее только прикосновения извне, чтобы раскрыться, дремлющее и скрытое в душе) должен воспитывающий, он никогда не должен обращаться с чем-нибудь значительным по смыслу к толпе, но всегда и только к лицу... Действие закона этого, который как только нарушен – воспитания нет и обнаруживается в том, что при усиленном... внушении определенных... интересов, склонностей в школе эти последние... вовсе не прививаются... И напротив, один уединённый разговор... часто становится поворотным пунктом во внутреннем развитии»^[20].

«Практика искусства любви, – утверждает Э. Фромм – предполагает практику веры». Вера выступает как установка: то, что мы ожидаем, обязательно сбудется. Создание такой установки играет роль доминанты, определяющей поведение и деятельность человека, и в основе этого лежат ценностные ориентации и установки, вызывающие к жизни «мотор деятельности» – мотив, ближайший из которых «сдвигается на цель» (А.Н. Леонтьев). Таким образом, как цель является системообразующим фактором деятельности человека, так и вера является смыслообразующим фактором в его жизни, и потеря веры, по сути, оборачивается потерей смысла жизни.

Вера всегда основана на некотором знании и изначально предполагает это знание, но этого знания недостаточно для доказательств объекта веры, который находится в области нашего незнания. Таким образом, вера возникает на границе знания и НЕ – знания. Круг наших знаний (для конкретного человека или исторической общности людей) всегда ограничен. Расширяя этот круг, мы, тем самым, расширяем наши представления о ещё не познанном, о незнании: «мера незнания прямо пропорциональна добытому знанию» (чем более мы познаём мир, тем больше возникает у нас вопросов к ещё непознанному. Именно здесь начало обучения: учат – когда говорят,

²⁰ Розанов В.В. Сумерки просвещения. – М., 1990. – с.13.

а учатся – когда спрашивают, – заметил в своё время Августин). Как от рождения человеку свойственна потребность и стремление к познанию, так и вера по своему характеру интенциональна (внутренне присуща). Непознанное всегда притягательно в силу своей тайны, от которой возникает самая сильная эмоция (А. Эйнштейн). Эмоция же есть реакция на удовлетворение или неудовлетворение наших потребностей. Потому вера всегда сопровождается эмоциями (А.С. Пушкин очень точно заметил, что «память сердца всё ж сильней рассудка памяти печальной»).

Наши знания о человеке и о мире расширяют круг наших вопросов, ответы на многие из которых лежат в области веры (достаточно сказать, что любая научная гипотеза есть выражение веры ученого). Но только вера в живого Бога способна удовлетворять присущие именно Божьему творению потребности. Такого рода потребности, по большому счёту, лежат не в плоскости этого мира, а в многомерном пространстве Небесного Царства: «не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф. 4:4). Как заметил апостол Павел: «И если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков» (1 Кор. 15:19). Потому наши эмоции (как реакция на удовлетворение духовных потребностей) будут, как правило, положительны и направлены на источник удовлетворения – объект нашей веры – Бога. Если же объект нашей веры суррогатный (вместо живого Бога – идолы, кумиры), то очень скоро мы можем испытать разочарование от несбывшихся надежд, и тогда наши эмоции (вряд ли они будут в таком случае положительными) направятся на источник неудовлетворённости нашей потребности. В таком случае стоит лишь «перевести стрелки», что в истории повторяется с завидным постоянством и свидетелями чего из поколения в поколение становимся мы сами. К сожалению, лишь «умные учатся на чужих ошибках» ... Заметим, что вера своим внутренним, духовным действием производит совершенно реальные результаты: человек уподобляется тому, в Кого или во Что он верит. Чтобы удостовериться в справедливости этого вывода, достаточно посмотреть на поведение людей, нас окружающих, и на нас самих.

Любовь и Вера (как интенциональные феномены) находятся в прямой зависимости: чем сильнее любим, тем сильнее верим, и лю-

божь выступает как глагол, как действие, как «акт веры» (Э. Фромм). Вера, замечает апостол Павел, действует любовью (Гал. 5:6). Вера являет собой другую «ипостась» глагола – состояние, и потому и любовь, и вера – как две стороны человеческого бытия, неразрывно связанные друг с другом. Мы можем сказать, что отсутствие любви и веры или слабое их проявление – явный и очень сильный признак лениности души человека, показатель низкого духовного качества его жизни, ибо от того, где находится доминанта жизни – в себе или направлена на других, – зависит качество жизни человека вообще^[21].

Доминанта выступает как целеустремленность человека, его поглощающая («одна, но пламенная страсть»), как рефлекс цели (И.П. Павлов), как сверхзадача (К.С. Станиславский). В некоторых пределах доминанту всей жизни можно назвать её смыслом – он не дается человеку раз и навсегда, и всю жизнь человек ищет свой смысл, свою доминанту, подчас не осознавая этого и, увы, случается, так и не находит этот смысл. В каждом возрасте доминанта наполняется своим содержанием (от биологических до социальных и идеальных). П.В. Симонов и П.М. Ершов рассматривают три типа доминанты: доминанту всей жизни, ситуационную и практическую^[22]. Нередко ситуационная доминанта принимается человеком за доминанту жизни, но меняется ситуация, и эта доминанта заменяется иной. Так влюбленность (ситуационная доминанта) принимается за любовь (доминанту всей жизни, доминанту непрекращающегося общения человека с Богом и другим человеком). Не то ли самое мы наблюдаем и в массовых крещениях, в растущей моде на церковную обрядность и т.п.? Так ли уж редко мы наблюдали явления массового покаяния во время «стадионных евангелизаций» в совсем недавние времена, когда психоэмоциональное состояние толпы невольно втягивало в свою орбиту покаяния многих? Но где исследования по поводу того, кто сохранил своё обещание Господу и после ухода «со стадиона»? Наши эмпирические наблюдения показывают, что «иных уж нет, а те – далече...» (заметим по ходу, что такие массовые формы становятся все менее заметным явлением в нашей жизни). Не думаем, что это характерно лишь для такой окраины России, как Забайкальский

²¹ Ухтомский А.А. Письма // Новый мир. – 1993. - № 1.

²² Симонов П.В. и Ершов П.М. Темперамент. Характер. Личность. – М., 1984. С. 100-106.

край.

Любовь и вера – явления духа, потому они не крикливы, не рекламны, чаще – молчаливы, но действенны. Их проявления – в поступке, управление которым осуществляется через механизм доминанты. Тем не менее, ситуационные доминанты позволяют выявить (в возможных пределах, конечно) доминанту жизни, и их взаимовлияние определяется силой ситуационных доминант и силой доминанты жизни. В результате такого взаимодействия возникает практическая доминанта, непосредственно определяющая деятельность человека (то, что можно назвать «рефлексом цели» по И.П. Павлову). Именно эта доминанта задает характер поведения педагога в образовательном процессе. При этом если в решение проблемы не включается сверхсознание (творческая интуиция), то это означает, что доминанта не затронута. Если сила потребности любви и в любви достаточно велика, тогда включается сверхсознание (интуиция), подсказывающее решение при дефиците информации (исходных данных). Потому не случайно, что желание любимого человека нередко не узнаётся, а угадывается по тем не видимым никому, кроме любящего, проявлениям – во взгляде, в жестах и др. Эта работа может быть названа позитивной – и по направленности своей, и по результатам.

Но наши наблюдения за характером поведения педагогов в их отношениях с детьми и другими людьми позволяют говорить о том, что интуиция может давать решения и негативного характера, проявляющиеся в скрытом (чаще всего) сопротивлении любви. Ярким проявлением негативного сверхсознания является небрежность в отношениях, стремление уйти от содержательного диалога. Это означает, что истинные (нередко скрытые) ценности и практическая доминанта человека вообще и педагога в частности не соответствуют друг другу. «Адрес» практической доминанты указывает сверхсознание (интуиция) – там, где оно позитивно, там и доминанта, там и актуальная потребность. Щедрость, а не экономия сил – яркий показатель позитивного сверхсознания, как показатель этого и то, что, даже отдыхая, человек по-прежнему занят прежними мыслями. В духовном плане – это продолжение общения с Богом: «Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись

Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно)(Мф. 6). На это указывает и псалмопевец: «... но в законе Господа воля его, и о законе Его размышляет он день и ночь!»(Пс. 1:2). Это может быть и общение с любимым человеком в «виртуальной», как сегодня говорят, форме.

Практическая доминанта, как синтез взаимовлияния ситуационной доминанты и доминанты жизни, динамична, и это позволяет говорить о её формировании и возможности управления этим процессом. Активность творческой интуиции определяется любой потребностью, если она стала ведущей, но здесь сразу встает проблема «нравственного вектора» этой потребности, поэтому задача воспитания (в любом возрасте) состоит в воспитании социально ценных потребностей, среди которых «потребности для других», в число которых, безусловно, входят любовь и вера, наиболее значимы. Психологическое одиночество педагога (и человека вообще) – это расплата за игнорирование этих потребностей, их замены на «потребности для себя» или удовлетворение их посредством подмены подлинного предмета любви и веры суррогатными их заместителями. Как известно, у человека есть потребность в общении, но удовлетворяют её разные люди по-разному: одни – в общении с другими людьми, иные – в общении с собаками, кошками или другими «заменителями» объекта общения. Потребность, в любом случае, удовлетворяется... Только кто, в таком случае, человек?

В. Корнилов в эпоху диссидентства писал:

*Я – то думал: томление духа,
Вера, совесть, и стыд, и честь...*

*Оказалось, лишь род недуга,
Интенсивный обмен веществ.*

*Никакого переизбытка
Благородных и высших чувств,
Лишь ничтожная щитовидка
Барахлит и теперь лечусь.*

*Все от химии, не от Бога –
И земля, и вода, и еда,
И свобода, и несвобода,
И, наверно, даже смерть.*

*Вот и загнан – как лошадь в мыле,
Вопрошаю в свои полста:
Я венец творения или...
Нуклеиновая кислота?*

Человек зависим от общества, педагог – в особой степени. Быть нужным обществу означает не только иметь высокую квалификацию и неуклонно её повышать, но и реализовывать ее – в служении другим. В то же время квалификация (как приобретенная вооруженность некоторыми способами) даже в соединении с врожденной вооруженностью (педагогические способности) недостаточна для творческой педагогической деятельности. Нужна еще соответствующая главенствующая потребность (доминанта) – любить детей. При этом любовь в педагогическом смысле не просто эмоциональное состояние (любовь – внеситуационна, ситуационна влюбленность). Она не только и не столько эмоциональна, сколько рациональна, и это – любовь «агапэ», поступающая в интересах другого (даже в случае, если таковые он не осознает). Потому такая любовь представляет собой систему качеств, которые, при наличии позитивных ценностных установок и воли, воспитуемы. Среди таких качеств, о которых мы, вслед за апостолом Павлом, вспоминали выше, – долготерпение, милосердие, вера, надежда, руководимые любовью.

Если доминанта жизни «в себе», то человеком, в конечном итоге, овладевают безверие и недоверие, что становится разрушительной для структуры личности силой. Потому настоящая вера есть вызов в наши дни, когда, как и прежде, человек «безверием палим и иссушён» (Ф.И. Тютчев, «Наш век»). Самодостаточность (как отражение направленности доминанты на себя) – достаточно шаткое сооружение и прикрытие человека от мира, напоминающее наряд «голового короля»: она легко рушится под натиском возраста, устаревания знаний и многих других факторов, повлиять на которые человек, чаще всего, не в силах. Результат может оказаться печальным: разочарование, безверие, отчаяние, потеря смысла жизни. Настоящая вера (то есть вера не суррогатная) отвергает насилие, потому она созидательна. И это созидание требует мужества, как и любое другое важное дело: вере присущ риск, наступательная активность, но ей необ-

ходима и способность перенести разочарование. В конечном счете, мужество в любви и вере необходимо, чтобы признать и принять некие ценности абсолютными и сделать их своими внутренними установками. Потому признак силы веры (наряду с другими признаками) – отсутствие ее насилия над верованиями и убеждениями других. Свою «правильность» вера являет (или не являет) отношением любви к другому, даже если этот другой – с другими убеждениями.

Что же такое вера? Определения веры в различных источниках более скудны, нежели определения любви, быть может, потому, что веру мы почти всегда связывали с религиозным подходом, в то время как педагогический аспект этого феномена в достаточной степени не изучался. Вера, по утверждению П. Жане, есть непосредственное принятие, утверждение некоторого факта, утверждение, основанное на внутренней убежденности, но не доказанное или даже недоказуемое логическим рассуждением. Вера выступает как убежденность, «уверенность в ком – в чём-нибудь»^[23], как «присущее нашим убеждениям качество уверенности и твердости... черта характера, пронизывающая всю личность»^[24]. Верить в другого человека означает признание его личностью, способной реализовать свои потенциальные возможности. Вера нужна человеку, который верит, но, пожалуй, более она нужна тому, в кого верят. И как способность любить себя есть основа любви к другому («возлюби ближнего как самого себя»), так и вера в себя питает веру в других. Мы соглашаемся с И. Гёте: «Если мы принимаем человека таким, какой он есть, мы делаем его хуже; если мы принимаем его таким, каким он должен быть, мы помогаем ему стать таковым»^[25].

Таким образом, «вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр.11:1) и является, по мнению Б.Т. Лихачева, системообразующим началом в жизнедеятельности человека по созиданию своей духовности. Как замечает учёный, «вера выступает в качестве основной формы проявления силы духа»^[26]. Вера порождает надежду, которая исчезает там, где кончается вера (в Бога ли, в человека...). В то же время вера – сверх надежды: когда насту-

²³ Ожегов С.И. Словарь русского языка, 1971

²⁴ Фромм Э. Человеческая ситуация. – М., 1994. – с.213.

²⁵ Цит. по: Франкл В. Воля к смыслу – М., 2000. С.22.

²⁶ Лихачев Б. Т. Философия воспитания. – М., 1995. – с.183.

пает такой момент, в котором надежды (по человеческим меркам) быть уже не может, только вера, питаемая любовью, поддерживает человека.

Вера, по своей природе, интенциональна, то есть стремление верить органически присуще человеку (чем и пользуются гадалки, прорицатели, ворожеи, астрологи и прочие в ситуации массового безверия в Господа – Творца всего существующего). Ребенок хочет верить в нас, в наше доброе начало, но наш рационализм плохо совместим с любовью и верой, которые незаметно ушли из педагогики вместе с ребёнком. История науки показывает, что бурное развитие науки началось с тех пор, как она изгнала, вытеснила из себя человека. Но чем обернулось это бурное, но бездушное развитие науки для человечества? – эпохой мировых войн и гонкой вооружений. Сегодня в педагогике мы наблюдаем мощный поток литературы в области образовательных технологий. Не потому ли, что в этих технологиях нет человека, а есть лишь механизмы, простраивающие реализацию целей с выходом на заранее заданные результаты? Странно только: одна и та же технология даже с одним и тем же составом класса нередко даёт разные результаты в, казалось бы, сходных ситуациях ... Не потому ли, что «нельзя войти в одну и ту же реку дважды»? Да и технологии ли это, если они не дают гарантированного результата даже при условии точного выполнения набора инструкций?

В своей нестандартно написанной книге «Разное управление для разного образования» Игорь Реморенко приводит характерный пример: «Как-то мне рассказали случай с известной книгой «Образовательные технологии». Ныне она очень популярна, студенты и аспиранты сдают по ней экзамены. Тем, кто преподаёт в педагогических вузах и институтах повышения квалификации, это издание хорошо известно. Оказывается, что изначально эта книга называлась совершенно иначе и была посвящена различным методическим системам. И только когда она попала в редакцию, там из соображений увеличения объёма её продаж автору предложили сменить название. В итоге появились «Образовательные технологии» и практически любая педагогическая действительность стала оцениваться в жёстких технологических рамках». Вот так – назвали чёрное белым, закрепили это в носителях информации, и пошло оно «гулять» по просторам

наших учёных книг. Как же был прав М.К. Мамардашвили, говоря о том, что «дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно»!

Вопросы духовности, по определению, не могут быть технологичны и требуют созерцательности и времени, они связаны с человеком, плохо вписывающимся в умозрительные схемы и нашу «суету сует». Призывая нас «помышлять о горнем», апостол Павел понимал цену «горнего» в отличие от цены «земного». Сверхзанятость современного человека вызывает физическую потребность в абсолютной праздности, развлечениях, желании забыться; при этом развлечения избираются такого рода, чтобы они не требовали духовного напряжения. Бездумье становится второй натурой человека. В беседе такой человек ограждает себя от информации, требующей размышлений, превращающих беседу в действительный диалог. Постоянная спешка, интенсификация совместного труда приводят к тому, что, находясь в постоянном общении, люди держатся отчуждённо по отношению к себе подобным. Живое общение заменяется виртуальным, посредством социальных сетей создается иллюзия, что у человека друзей – не перечесть. Но такие обстоятельства нашего бытия не позволяют нам относиться друг к другу как человек к человеку. В то же время любовь и вера несовместимы с «праздностью» духа и души, они требуют их напряжения, самоотдачи, самопожертвования. И человек, в ком высок дух, понимает, что всё вернётся (по крайней мере, есть надежда на это): «что нашёл, то потеряешь, что ты отдал – то твоё» (Шота Руставели). Как замечательно подметила Мария Тереза: «Вера хранит тебя, если ты хранишь веру».

Рыночные отношения все более приучают нас к «справедливому» обмену. Даже «золотое правило нравственности «мы скорректировали на современный лад: «относись к другому так, как он относится к тебе». Но при этом мы забываем, что этика Любви и Веры несопоставима с этикой такой «справедливости». Мы можем провести параллель между христианским пониманием любви и рациональным, педагогическим: по справедливости, Господь должен всех наказывать, ибо все мы грешны, но по любви Бог дарует нам милость, благодать (как незаслуженный дар – не по нашим делам, а по Своей любви). Принять эти позиции – значит принять внутреннюю ценностную установку: в отношении другого человека я поступаю по милости,

ибо надеюсь (потому что верю, а верю, потому что люблю!), что и он по отношению ко мне, скорее всего, пусть далеко не сразу, будет поступать так же. В зависимости от наших ценностных установок мы и выстраиваем свою линию поведения.

Представим это в формализованном виде:

Примечание: « - » – символ установки на вызов отрицательных эмоций; « + » – положительных эмоций.

Личностно отчуждённая позиция		Личностно ориентированная позиция
Нарушения	нормы (семейные, школьные, общественные, государственные и др.)	Нарушения
Гнев, ярость, нетерпение, злоба, крик, раздражение, унижение, неспособность прощать и т.п.	реакция наблюдающего (педагога, руководителя, родителя и др.) на проступок Другого	Понимание, терпение, великодушие, способность «взойти» на уровень незнания Другого, прощение и т.п.
Справедливость (как ты, так и я). Осуждается человек, совершивший проступок. В «справедливости» не остаётся места милости.	принцип отношения	Милость (по благодати). Осуждается проступок, совершённый человеком. К человеку сохраняется милость.
--- --- ---	структура разговора при наказании	+++ --- ++

<p>Я не тот, кем я должен быть, и никогда им не буду, потому что не смогу. Да и не хочу им быть – всем назло.</p>	<p>рефлексия совершившего проступок</p>	<p>Я ещё не тот, кем я должен быть, но я уже и не тот, кем я был. Я вижу свой путь и хочу по нему идти.</p>
<ul style="list-style-type: none"> • нарушение нормы есть норма • отторжение наказания • упрямство • просить прощение – как унижение • неверие, недоверие • потеря надежды • отторжение Другого • страх наказания • желание и стремление сделать назло и не попасться • духовная деградация – отказ от восхождения к человеческому в себе (человек не может даже потенциально быть храмом Божиим) 	<p>результат личный</p>	<ul style="list-style-type: none"> • стремление соблюдать норму есть норма • принятие наказания • стыд и раскаяние • стремление просить прощение и обретение силы для этого • обретение надежды • вера, доверие, открытость • принятие Другого • желание и стремление не повторять ошибки • духовное восхождение к человеческому в себе (человек потенциально – храм Божий, и он реально может стать таковым)
<p>Отчаяние, безнадёжность от потери надежды и веры. Потеря смысла жизни.</p>	<p>результат смысловой</p>	<p>Любовь питает веру и надежду. Ощущение смысла жизни.</p>

Силу нельзя полюбить. Силу можно уважать, её можно бояться, склонять перед ней колени, поклоняться, трепетать пред её могуществом, быть в страхе, но полюбить силу не хватит никакой силы. Не потому ли Господь пришёл в этот мир не с силой Своего могу-

щества, а со «слабостью» Своей Любви? Но именно в слабости Его Любви и есть Его сила. «Насильно мил не будешь» – как это точно подмечено! Господь уважает в Своём творении (в каждом из нас!) Свой Образ, подобие Которого есть в человеке. И потому Он явил и продолжает являть миру Свою Любовь, питая нашу надежду на возникновение ответного чувства – любви человека к Своему Создателю: «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною» (Откр. 3:20). «Слишком многим руки для объятья Ты раскинул по концам креста. Для кого на свете столько шири, столько муки и такая мощь?», – писал Борис Пастернак.

Увы, «... сегодня говорить о любви – значит просто участвовать во всеобщем обмане... в современном обществе может любить только мученик или сумасшедший, а потому всякие разговоры о любви – просто проповедничество»^[27]. Мы стоим на этой позиции? Но «этот весьма респектабельный взгляд легко превращается в логическое обоснование цинизма»^[28]. Мы этого хотим? И какой смысл говорить о любви и вере в эти «окаянные дни», когда кругом недоверие, когда, как написано в Библии, «по причине умножения беззакония во многих охладает любовь» (Мф. 24:12), и она уже охладела и уже наступило беззаконие? Убеждены: стоит, ибо что пользы говорить о любви и вере, когда они есть; куда важнее говорить об этом сейчас, когда особенно важно противостать нелюбви и неверию. Вновь процитируем Э. Фромма: «Если... любовь – действительно единственный удовлетворительный и здоровый ответ на вопрос о смысле человеческого существования, тогда любое общество, которое в той или иной степени исключает развитие любви, должно в конце концов погибнуть, войдя в противоречие с основными человеческими потребностями... Вера в возможность любви как общественного, а не исключительно индивидуального феномена есть вера рациональная, основанная на проникновении в самую суть человеческой природы»^[29]. Здоровые и ответственные рассуждения истинного учёного, даже если он отрицает Бога (а таковым был Э. Фромм), приводят его, как правило, к христианской позиции, ибо в учении Господа –

²⁷ Фромм Э. Человеческая ситуация. – М., 1994. – с.225.

²⁸ Там же.

²⁹ Фромм Э. Человеческая ситуация. – М., 1994. – с.227-228. .

истина в последней инстанции. В своем «Кредо» учёный утверждает, что «воспитание означает знакомство молодёжи с лучшим из наследия человечества. Но так как большая часть этого наследия выражается словами, то воспитание эффективно, только если эти слова обрели реальность в лице учителя, в практике и в устройстве общества (подчёркнуто нами. – В.С.). Только материализованная во плоти идея может оказать влияние на человека; идея, которая осталась словами, способна изменять только слова»^[30]. Вспомним: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы»(1 Кор. 13:1-3).

Педагогический процесс не протекает, он живет и развивается по своим, нередко не осознаваемым нами, законам во времени и в пространстве. Он всегда планируется, но, как правило, результаты его бывают далеки от прогнозируемых; в то же время бывают такие результаты, от которых у учителя и его детей «вырастают крылья». Они не так часты эти моменты, как бы той и другой стороне хотелось, но эти светлые минуты помогают преодолевать рутину повседневности педагогического бытия. Это бывает тогда, когда в педагогическом процессе встречаются не его субъекты (как принято в науке говорить), а личности, признающие за каждой стороной право быть собой, то есть обладать своим внутренним лицом, быть уникальным и неповторимым, признавать право на любовь и уважение без условий. Увы, любить все человечество легче, чем своего близкого (родственно или географически близкого); быть гражданином мира и признавать общечеловеческие ценности куда проще, чем быть патриотом своего края и помогать нуждающемуся «самарянину». Педагогика – это область проявления отношений человека и человека, человека и природы, человека и Высшей Ценности. Педагогика, таким образом, выступает как наука и практика отношений, результат которых есть принятие каждым участником педагогиче-

³⁰ Там же. – с.232-233.

ского процесса своей ноши, ибо от меры этой ноши зависят отношения людей. В этом аспекте педагогика, как мир отношений, должна задуматься над проблемами и вопросами, которые составляют суть философии (в ее позитивном аспекте): Добро, Справедливость, Истина, Вера, Красота, Идеал, Любовь и которые столь часто входят в противоречие с так называемыми достижениями цивилизации.

Анализируя тенденции развития науки, Дж. Томсон писал: «Самый главный фактор, определяющий успех исследования, – искать в правильном направлении. В любой момент в любом научном вопросе существует несколько точек роста, несколько почек, которые вот-вот раскроются. Именно там и надо работать, и искусство состоит в том, чтобы распознать эти точки роста...»³¹. Быть может, Любовь и Вера ныне становятся такими «точками роста» в педагогике как науке об отношениях людей?..

Один из самых великих по своим печальным последствиям результат советской системы воспитания – безверие и далеко разошедшиеся «ножницы» помыслов, слов и действий: думаем одно, говорим другое, а делаем вообще что-то третье. Без возвращения в лоно педагогики (и практики, и науки) веры и любви как педагогических ценностей и педагогических установок устранить расхождение этих «ножниц» не представляется возможным. В час последней встречи со своими учениками (известной как «тайная вечеря») Иисус говорит: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13:34-35). Потому христианская жизнь педагога определяется не принадлежностью его к той или иной конфессии, а тем, насколько он соответствует критериям христианина, заданным Самим Господом в те далёкие годы. От дальности лет критерии эти не потускнели, а только подтвердили свою надёжность, основательность и духовную стройность. «Любовь никогда не перестаёт, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» – что может быть сильнее вселяющих такую надежду слов апостола Павла?!

³¹ Томсон Дж. Дух науки. – М., 1970. – с. 128.